

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 35

ДЕКАБРЬ 1989

А. ШТАБЕЛЬ, г. Уфа.
На конкурс
«ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ТЕНЬ..

ТОСТ, произнесенный Крокодилом по поводу 110-й годовщины со дня рождения И. В. Сталина

Дорогие читатели!
Уважаемые коллеги-сатирики!

Сегодня мы собрались пораньше, засветло, дабы не к ночи помянуть Иосифа Виссарионовича в связи с его круглой датой. Сами понимаете, мимо этого события я спокойно пройти не мог. Так как не всякий вправе похвастаться личным знакомством с Вождем Всех Народов. Я же — вправе. Зоркое его око ощущал на себе долгое, долгое время...

Первый наш весомый контакт произошел на пятом году моей жизни. Это был период свободной эпопейской конкуренции — и не только в товарных отношениях, но и в сатирической журналистике. Помимо национальных сатирических журналов в союзных республиках, выходил целый ряд русскоязычных: «Крокодил», «Бегемот», «Смехач», «Бузотер», «Лапоть», «Безбожник», «Пушка», «Кипяток»... Кто-то из нас был похоже, кто-то получше, но делошло, и сатирическая жизнь текла по своим естественным законам. Но вот в апреле 1927 года нас впервые одернули: Отдел печати ЦК ВКП(б) издал постановление «О сатирико-юмористических журналах», обвинив всех нас в мелкобуржуазности и отрыве

от трудящихся масс. Как мы теперь знаем, страна была накануне «Великого перелома», и незабвенный Иосиф Виссарионович начинял «показывать зубки»...

Вслед за постановлением веселые журналы начали дохнуть, как мухи в первые заморозки... К 1933 году я уже воздевал сатирическую ниву в гордом одиночестве. Да и сам вскоре стал недосчитываться многих своих постоянных боевых рубрик и авторов. А когда в 1938-м с моей последней страницы исчезла подпись ответственного редактора Михаила Кольцова, то дальше ехать уже было некуда, и я раздрюлся специальным номером, который явился откликом на отчетный доклад Сталина XVIII съезду партии. В программной статье сатирики призываются учиться у Отеца народов, находить в его выступлениях темы для своих обличий...

Во время войны Ему было не до меня, всех нас занимали дела посеребренные. Но уже в сентябре 1948 года на мою голову обрушилось новое постановление «О журнале «Крокодил», и не осталось на мне живого места (не только в переносном, но и в прямом смысле — перешерстились редколлегия, постоянные авторы и все рубрики). В числе прочих задач (борьба с равнами, биорократами и жуликами — естественно, на самом «низовом» уровне) мне вменялось в обязанность — цитирую: «...подвергать критике буржуазную культуру Запада, показывая ее идеенное ничтожество и вырождение». Естественно, наши солдаты, вернувшиеся из освобожденной Европы, могли подумать, что тамошний уровень культуры не так уж и низок, надо было наставлять их на путь истинный. При этом скромно умалчивались слова Ленина, что пролетарская культура должна вобрать в себя все лучшее, что создано человечеством...

На Иосифу Виссарионовичу (и Андрею Александро-

вичу Жданову, естественно) одного постановления показалось мало. Разделавшись с Анной Ахматовой, и моим любимцем (а в годы войны — недолго — и моим соредактором) Михаилом Зощенко, они вновь изрядно на мне потанцевали, издав в сентябре 1951 года постановление «О недостатках журнала «Крокодил» и мерах его улучшения». Процитирую и оттуда одну фразу, чтобы вы стало ясно, чем же я вызвал высочайшее неудовольствие: «Нередко в «Крокодиле» единичные отрицательные факты выдаются за общие недостатки государственных, профсоюзных и других организаций, что создает у читателей неправильное представление о работе этих организаций». (Никаких сообщений! Боже упаси!) Даже притом, что выше упомянута я в своей критике тогда редко смел подняться. Значит, все-таки видел во мне Сталин нечто потенциально опасное для созданной им системы и для себя лично, если не дадут опомниться от постановлений, юзил и жутили...)

Но вот, как говорится, ушел в мир иной «Черный Человек» Коба, и во времена хрущевской оттепели мне удалось слегка проплыть. Но тут опять ударили холода, вслед за чем, по крокодильским физиологическим законам, я впал в анатомию, пробавляясь мелочами, выпускавшие радужные номера к праздничным датам и открываясь съезды, которые в те годы выглядели большими костюмированными шоу... Нет, справедливости ради могу сказать, что иногда я вдруг пробуждался и выдавал отдельные злые материальчики (во все времена были у нас истинные рыцари сатиры), после которых незамедлительно получал по башке и вновь почтит за лучшее задремывал...

Короче говоря, с грустью могу констатировать: с легкой руки Иосифа Виссарионовича я превратился в винтик огромной Административно-Командной машины. И мои «заслуги» в деле шельмования троцкистско-

зиновьевско-бухаринских изменников, вредителей, отравителей и космополитов, как это ни прискорбно, весомы. О чем, раскаиваясь, и заявляю со всей крокодильской прямотой, хотя и несладко мне это делать. Что ж, время у нас сегодня такое — надо говорить правду.

Кто-то, может быть, скажет: что это Крокодил разохался? Пусты и пребывал он зачастую в полуబородчатом состоянии от постоянных взнуждений, но существовал, ершился, взбрыкивал, тянул свой нелегкий воз, работал, пользовался всенародной известностью. Многие чинухи и жулики его боялись, а читатели любили, видели в нем заступника... Что ж, мой персональный «мартиролог» действительно не столь виноват, как списки общества «Мемориал», но все же, все же... Считаю, что и моя судьба — капля в общем водопаде судеб, и в ней отразились многие типичные стороны той действительности — и трагическое, и героическое, и пе-чальное, и комичное...

Разрешите, дорогие друзья, на сем завершить свой псевдопраздничный тост и предложить вам прочесть мой сегодняшний номер, выпущенный к 110-летию Сталина. В нем я постараюсь с разных точек зрения осветить тему «Крокодильцы и сталинщина» — от момента моего появления на свет и до дня сегодняшних. Ибо сталинщина во многих видах, увы, необычайно живучая. И сама по себе она не уйдет. Так что читайте, смотрите, делайте выводы...

И не буду нарушать традицию: тосты положено говорить или за здоровье, или (на поминках) за упокой. Я сегодня, несмотря на день рождения, выбираю второе. Упокой общими усилиями сталинщины. Да сгинет она навсегда из нашей жизни. Пусть земля ей не покажется пухом.

Будем здоровы!

ВЫСОЧАЙШЕЕ ЗАДАНИЕ

Возможно ли, чтобы хоть одно повеление Вождя и Учителя не было выполнено? Да, оказывается, было такое исключение из правил и оно впрямую касалось «Крокодила».

О четный доклад XIX съезду партии (октябрь 1952 года) Сталин поручил сделать секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову.

Докладчик, в частности, сказал:

«В своих произведениях наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе... и тем самым способствовать воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв и пороков, порожденных капитализмом. Между тем в нашей советской беллетристике, драматургии, там же, как и в кинематографии, до сих пор отсутствуют такие виды художественных произведений, как сатирика. Неправильно было бы думать, что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед».

Хотя о малых жанрах сатиры — видимо, как раз из-за их малости — в докладе упомянуто не было, однако сказанное, конечно, вполне относилось и к ним. То есть — к периодической печати, а стало быть, к «Крокодилу». Кто же, в самом деле, мог бы оперативнее всех откликнуться на данную директиву, как не легкие на подъем мастера сатирической публистики? Тем более что еще за год до съезда, а именно 28 сентября 1951 года, постановлением ЦК ВКП(б) «О недостатках журнала «Крокодил» и мерах его улучшения» крокодильцам уже было сурово указано на то, что «журнал слабо выполняет

и призванных» ювеналов, поспешающих на сатирический Олимп, и чудилось даже: чем повелительнее громыхали призы, тем заметнее оставалась профессиональный «боевой пыль»...

А ведь, казалось бы, пиши — не хочу: «отрицательного, прогнившего, омертвевшего» хватало с избытком. Но едва перенесенный советского Гоголя (Щедрина и т. д.) тянулся к бумаге, чтобы хоть намекнуть, скажем, на гнилую всеохватную подозрительность или омертвленную бюрократическую казенницу, как вдруг неведомая сила сковывала руку на попугыи к чернильнице и перед мысленным взором сатирика вырастал смутный силуэт некой кряжистой фигуры, бренчащей связкой ключей. И почти явственно доносился тот же лозунг, но уже с другим акцентом:

«Нам Гоголи и Щедрины нужны!»

И всплывали из небытия иные лица — Михаила Кольцова, Остапа Вишни, Константина Ротова и других славных сатириков, знакомых с означенной фигурой не понаслышке... А в ушах начинали звенеть слова-гвозди из печально знаменитого постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года, распиравшего Михаила Зощенко: «Проповедуй гниль безыдейности, пошлости и аполитичности... пошлий паски... в уродливо-карикатурной форме... злостно хулиганское изображение... антисоветские выпады... омерзительная вещь... клеветнические выступления...» (С каким облегчением узнали мы недавно об отмене этого постановления!)

И перо как бы само собою выписывало что-то совсем в другом духе. К примеру, проэзии: «Дружба народов нескорумиша потому, что ее выковал и пестует гениальный вождь

и друг, надежда и радость, совесть и знамя трудающих всего мира — великий Сталин». («Крокодил» № 30, 1952).

Или нечто в стихах:

В знойной пустыне — сады и леса.
Вольные люди творят чудеса.
Виши и японки в каждом селе.
Рай не на небе, а тут, на земле!
Где это видано? Где это слыхано?
Знает любой: на Советской земле!
(«Крокодил» № 4, 1953).

Так пышно — и пышнее даже, чем прежде! — расцветали после съезда в крокодильской оранжерее эти диковинные «сатирические» розы без шипов. Диковинные потому, что еще никто искон веков не додумывался требовать и ожидать от сатирика елейно-приторного восхваления существующего порядка (а тем паче беспорядка). Даже самым безжалостным деспотам не приходило в голову домогаться от своих придворных шутов льстивых комплиментов...

Листая страницы «Крокодила» начала пятидесятых, вспоминали наши дипломатические изощрения (а я проработал в редакции с 1951 по 1967 год). К рисункам — предупредительные эпиграфы типа: «Отдельных районах некоторые руководители порой все еще не принимают мер к единичным фактам халатного отношения...» и т. д. Ну что сказал бы по этому поводу Козьма Прутков? Ясно, он сказал бы: «Бди!»

Или, открывая каждый очередной номер, вижу «боевую передовицу»; мы писали их по очереди от имени Крокодила под шапками: «Прошу слово!...», «Письмо из редакции», «Еще кланяемся!...» Адресовали такое обращение лично (мозор по коже!) тому или другому Большому Начальнику, скажем, министру, и, уж повод всегда находили весомый:

вления по «Крокодилу» с интервалом в 3 года? Значит, несмотря на стрельбу по «отдельным» «негативным фактам», сильно он их тревожил...

Но вернемся к сталинской директиве. Любознательный читатель может, сдвинув пыль с комплектов «Крокодила» тех лет, а также бегло обзоров литературно-театрально-кино-эстрадные новинки того времени, убедиться: нет, не замаячили тогда на нашем горизонте даже темы великих сатириков.

Сталинская директива не сработала. ДоброВоровцев не ссыпалось. Высочайшее вление по «Крокодилу» с интервалом в 3 года? Значит, несмотря на стрельбу по «отдельным» «негативным фактам», сильно он их тревожил...

Но вернемся к сталинской директиве. Любознательный читатель может, сдвинув пыль с комплектов «Крокодила» тех лет, а также бегло обзоров литературно-театрально-кино-эстрадные новинки того времени, убедиться: нет, не замаячили тогда на нашем горизонте даже темы великих сатириков.

Сталинская директива не сработала. ДоброВоровцев не ссыпалось. Высочайшее вление по «Крокодилу» с интервалом в 3 года? Значит, несмотря на стрельбу по «отдельным» «негативным фактам», сильно он их тревожил...

И повинна в этом провале оказалась система страха, каковую выстроил сам же автор директивы.

Может быть, единственный долголетивший до наших дней отзвуком той давней, шумной, но по сути мертвожданной кампании по «организации» советских Гоголей и Щедриных осталась эпиграмма поэта-крокодильца Юрия Благова, опубликованная в № 12 журнала за 1953 год:

«ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК
Я — за смех! Но нам нужны
Подобные Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали...»

Впрочем, под «осторожным критиком» читатель мог разуметь и кое-кого рангом выше. И даже Того Самого. Который к тому времени уже отбыл в мир иной.

Но в чем секрет долголетия этой эпиграммы? Не в том ли, что «осторожные критики» не перевелись еще в нашем отечестве и по сей день?

С искренним пожеланием хорошего улова кланяется вам Крокодил.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ЕЖОВЫХ РУКАВИЦАХ»

Старожилы, как известно, славятся тем, что обязательно чего-то «не запомнят». Однако бывают и отдельные исключения. Например, имея бесспорные основания считать себя крокодильским старожилом, я очень хорошо запомнил появление на страницах нашего журнала пресловутых «ежовых рукавиц».

И прежде всего тут надо вспомнить, как помпезно и шумно было обставлено назначение секретаря ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова народным комиссаром внутренних дел, превращенное в своего рода всенародное торжество. Помню, какая волна отлично организованного энтузиазма прокатилась по московским предприятиям, учреждениям, организациям и, в частности, редакциям. На многолюдных собраниях и митингах ораторы состязались в словеслениях по адресу «посланца партии», «сталинского наркома», «несгибаемого борца с врагами народа». никто не знал, что восторженно прославляемый «посланец» несет с собой ужас «ежовщины». Это страшное понятие тогда еще не родилось. Напротив, всем очень нравилась даже фамилия нового главы НКВД. Она так здорово сочеталась с исконным русским присловием «держать в ежовых рукавицах», что нескольких редакторов одновременно осенила идея соответствующего «дружеского шаржа».

До последнего времени не перевелись охотники попрекать этими злосчастными «рукавицами». Что ж, не спорю — грешен. Может быть, не стоит об этом вспоминать? Нет, стоит. Мне думается, что мы, старожилы, не вправе хранить гордое молчание, даже если речь заходит о таком, о чем вспоминать не хочется, неприятно, досадно, стыдно. Но зато поучительно: не следует, очевидно, забывать о коварных свойствах политической карикатуры, которая выглядит подчас остроумной и удачной при одних обстоятельствах и становится позорной, когда мы совершенно другими глазами смотрим на события прошлого.

Но что было, то было. Не должно быть никаких «белых пятен» в нашей истории и, в частности, в истории «Крокодила». А «ежовые рукавицы» и другие подобные карикатуры являются своеобразными историческими документами, сохраняющими характерные приметы времени, в котором рядом с героическим было столько жестокого, нелепого и подлого.

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР.

Рис. Бор. Ефимов

СТАЛЬНЫЕ ЕЖОВЫ РУКАВИЦЫ

ДА ЗДРАВСТВУЮТ НАРКОМВНУДЕЛЬЦЫ—ВЕРНЫЕ СЫНЫ
НАШЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕЖОВ!

Из книги исторических анекдотов Юрия Борева *

УРОК ГЛАСНОСТИ

В 1933 году Е. М. Весенин и другие журналисты «Крокодила» подготовили интересный материал, разоблачающий ротозеяство руководящих должностных лиц. Журналисты специально организовали фиктивный трест «Главметеор», предупредив об этой мистификации органы ГПУ. Трест обрел печать «взамен утерянной» и был призван производить сбор металлома из «бломков метеоритов», читать популярные лекции о заготовках металлов на основе предсказания места падения внеземных тел. Для выезжающих к этим местам членов далеких экспедиций были получены редкие в те годы телефоны и пластиинки. Все бумаги треста подписывал его руководитель с характерным именем О. Бендер. Столь же заметные фамилии носили и другие работники этого учреждения — Коробочка, Хлестаков, Собакевич. Взрослые дяди, завороженные официальными запросами на бланках с печатью, принимали это всерьез. Завершилась мистификация тем, что какой-то умный чиновник заподозрил обман. Но десятки начальников попались. Все они разоблачались «Крокодилом» как ротозеи и невежды, глупцы и головотяпы.

Фельетон получился очень смешным. Его передали в высшие инстанции. Все Политбюро очень смеялось, одобряло, но выпустить в свет без благословения Сталина никто не решался. Сталин же в это время отдыхал под Сочи. Послали материал к нему. Он посмотрел и сказал: «Какая

страшная Россия». Печатать не велел. Однако приказал наказать опровергнувшихся начальников.

ИЛЬИНСКИЙ О ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧЕ СО СТАЛИНЫМ

Это было в конце 1952 года. Я был приглашен на концерт, посвященный окончанию работы XIX съезда партии. Все шло хорошо и привычно. Выступал Краснознаменный ансамбль песни и пляски. Я видел, что Сталину нравится это выступление. Но вот от стола, за которым сидело правительство, отделился Ворошилов, поспешно пошел к руководителю ансамбля Александрову и передал ему просьбу Сталина сыграть «Яблочко». Зазвучал знакомый мотив. Сталин поднялся из-за стола, подошел к дирижеру и встал рядом с ним. Заложив руку за френч, Сталин выпрямился и начал петь, а Александров дал знак оркестру играть тихо, чтобы слышен был негромкий, надтреснутый, старческий голос исполнителя:

Эх, яблочко, куда котишься,
В Губчека попадешь —
Не воротишься,
В Губчека попадешь —
Не воротишься...

Меня охватил ужас. Мне показалось, что Сталин опрометчиво вышел из образа вождя, но скоро опомнится и не простит свою оплощенность никому из присутствующих. Я на цыпочках, боком вышел из зала и уехал домой.

См. стр. 7. ►

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКОГО ПИСЬМА

СТРАННО И СТРАШНО

Получив очередной «Крокодил» № 19, на стр. 3 увидел странный рисунок о «странном новорожденном» (худ. Р. Самойлов) и удивился, где же мог появиться этот «младенец»?

Кто же его «мать»? Если Н. Андреева, так он уже должен был вырасти, ему больше года. Неужели еще сегодня

есть такие «родители»? Через пару дней после этого пошел в кино, посмотрел фильм «Я служил в охране Сталина» («Ленфильм») и убедился: да, прав Р. Самойлов! В течение почти полутора часов нам показывали, какой добрый, сердечный («он узывал нас по голосам»), человеколюбивый и ува-

жительный («подвез людей, стоявших на остановке автобуса») и т. д. был Сталин. И как герой картины — майор госбезопасности в отставке — был доволен «доброжелателями», которые оповещали органы «о злых намерениях граждан». Миллионы спецпереселенцев из Прибалтики, с Украины, Кавказа, а до этого — из всех районов страны, миллионы погибших от голода в 1932—1933 гг. и в лагерях, не говоря уж о войнах (финской и Великой Отечественной) — это ничто, так, «прошедшее время». В конце картины рассказчик с экрана прямо заявляет: «Да, нам нужна сильная рука!» И этот человек в настоящее время занимается воспитанием детей, учит музыке под команду «раздва!»

Сегодня, когда мы увидели свет, выбираем дорогу к Храму, обрели голос, странно и страшно смотреть и видеть это...

В. КОРНИЛОВ,
член КПСС с 1941 года,
ветеран войны
и Вооруженных Сил,
пенсионер.
г. Киев.

* Выходит в издательстве «Книга» в 1990 году.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭПОХУ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Крокодил обнаружил удивительный архивный материал

Имя Анатолия Федоровича Кони (1844—1927) не нуждается в особом представлении. Выдающийся общественный деятель, знаменитый юрист, писатель. Его личный фонд в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР содержит тысячи документов. Часть этого наследия до недавнего времени находилась на секретном хранении. В основном это материалы 1917—1927 годов; сегодня стало возможным опубликовать один из них — том, который А.Ф. Кони хранил как своеобразный литературный памятник эпохи военного коммунизма, эпохи, которая дала Сталину столько образцов для подражания. После смерти А.Ф. Кони из этого «литпамятника» было сформировано от-

дельное архивное дело* с грифом секретности и характерным названием: «Стихотворение «Крестьяне». Написано малограммовым человеком с кулацкими антисоветскими взглядами. Начато — 1918 г., окончено — 1919 г.»

Автор стихотворения неизвестен. Ясно лишь, что это очевидец событий первых послереволюционных лет.

Мы приводим эти стихи с небольшими сокращениями, не изменив в них ни строчки и лишь подвергнув необходимой грамматической редактуре.

КРЕСТЬЯНЕ

Придешь в деревню русскую и глянешь на народ — живет он, бедный, мается, ярмо нужды несет.

Как предки первобытные крестьяне все живут и песенки веселые теперь уж не поют.

Умолкла Русь великая, от войн изнемогла, и слышна речь печальная: «Да здравствует борьба...»

Однажды как-то вечером селом я проходил. Крестьянский спор и шум большой меня остановил.

И я услышал жалобу: «Настали времена: мы все умрем от голода; зачем эта война?»

Зачем народ так мучают, покоя не дают? Настали дни тяжелые, к чему-то нас ведут?» —

твёрдят жена Игнатова и сын ее Федот, Маринушка Ипатова и дедушка Нефед.

«Должно быть, Бог обиделся, за грех нас наказал! — Нефед взглянул вверх на небо и пальцем показал. <...>

«И нет, неправда, дедушка! — ответил сын Федот. — Не Бог людей так мучает, не он войну дает.

Войну ведут богатые, зажиточный народ, она им служит пользою, как крупновский завод; <...>

такой завод в Германии, и я в нем побывал — когда меня поранили, я в плен туда попал.

Работал за полфунтика, за хлебушко сухой. Замучили, проклятые, с тех пор вот и больной». <...>

Спустя немного времени еще к ним подошли Семен, Лука, Трофим, Фома и братья-бобыли.

«Чего шумите-спорите?» — Семен им прокричал.
«Да вот, Федот незнаючи богатых обвинял...»

«При чем же тут богатые? — всерьез сказал Лука. — Ведь мы теперь свободные, живем как никогда.

Мы власть свою устроили, прогнали богачей... Живем, страдая, мучимся, не видим светлых дней!

Поешь в Малороссию, чтоб хлебушка купить — встречает загадительный, давай тебя тузить!

Ты просишь, молишь, кланяясь: товарищ, пропусти! А он, подлец, с улыбкою кричит тебе: «Молчи!

Ты едешь спекулировать, а просишь «пощади». Не хочешь ли, чтоб даром я отдал тебе пуды?

Достань-ка вот мешочек свой и взяточку мне дай, потом бери свой хлебушко и с Богом поезжай...»

«Товарищ, добрый, смилиуйся, Я дал уже двоим! Теперь, клянусь, копейки нет, мешочек стал пустым...»

И он револьвер выхватил; я так и задрожал! Другой стоял — товарищ тож — винтовку заряжал.

Ну, думаю, пропал теперь, убьют еще гляди... Эх ты, Лука Матвеевич, не медли, уходи!

Сказал себе — и сделал так, заплакал, зарыдал... И ладно хоть лошадку-то зверюка не отнял!

Домой приехал — дети все голодные сидят:
«Привезли тятька хлебушка!» —
бегут ко мне, кричат.

А я от зла и жалости готов себя убить;
а вас, детей повысоших, чем буду я кормить?!

Когда нельзя продукт купить —
нельзя и продавать.
А можно лишь одно иметь —
свободно умирать.

Так вот она и наша власть,
Советская страна...
Разбита жизнь крестьянская
и голодом полна!»

Умок Лука Матвеевич и трубку закурил,
хватил в затяжку раза два
и дым кольцом пустил.

«Ну что, Федот, доволен ты, —
сказал ему Фома, —
что нам сейчас рассказывал
Матвеевич Лука?»

«Ну чем же тут довольным быть! —
сказал опять Федот. —
И разве власть советская
нас к гибели ведет?

Ведет нас власть к хорошему,
добра желает нам,
ведет людей к величию
по правильным стопам.

Но вот такие выходцы,
каких видал Лука,
частенько строят подлости,
терзают мужика.

Им взятки брать не велено,
и так же обижать,
всем сказано правителем
беднейшим помогать!»

«Чего ж они не слушают? —
сказал старик Семен. —
Аль есть какой особенный
у них такой Закон?»

«Какой такой особенный...
Закон у них один! —
сказал и сплюнул на землю
уж седенький Трофим. — <...>

Эх, все они без совести,
томят крещеный люд,
и правды-то сказать теперь
уж больше не дают.

Кричат везде: вы вольные,
свободные сыны!
А скажешь слово истины —
отведаешь тюрьмы.

Да что уж тут рассказывать...
Скорей бы умереть,
а больше так же мучиться —
на свет бы не глядеть!»

В архиве работал
Рэм ПЕТРОВ.

* ЦГАОР СССР, ф. 564, оп. 1, д. 4041. Редакция благодарит Л. И. Тютюнник и других сотрудников ЦГАОР за помощь в подготовке публикации.

Яичница Тюриго
Омлет О-финь-зербъ
Раки кокот а-ля Кремъ
Сиги Вордлезъ
Шефруа из рыбчиковъ
Салатъ из омаровъ и ерши
Супъ Тортю
Консоме Ришъ
Груша а-ля Кокъ...

И так далее. Меню красуется под стеклом в музее общественного питания. Адрес — Москва, Б. Рогожский, дом 17. Именно здесь зри-мо представлен почтенный путь на-шего общепита — от затейливых меню начала бурного ХХ века до... У большинства наших современников есть свое, язвенно-выстраданное мнение о нынешнем состоянии отечественных пищевкусовых дел, и музей на Б. Рогожском без лице-мерия и прикрас экспонирует в кон-це осмотра восковые мулжи све-коных котлет под жидким смета-ной и как апофеоз благородного дела всенародного питания — вос-ковые же чучела трех обезглавленных шпрот с четвертинкою ли-мона.

Но вот о чем не упоминается на стендах музея общественного питания Минторга СССР? Неужели сверхцентрализованный Всенарпти вовсе поглотил штучное повар-ское искусство? Спросите об этом старейшего сотрудника музея, Я. И. Магидова, и расскажет вам бывший повар, что не утерял бы-лой славы тот же ресторан «Пра-га» и в начале 30-х годов. В этом, например, могла убедиться верхушка московского партактива, регу-лярно питавшаяся там в эти времена с 13° до 17° и получавшая по символическим ценам на десерт свежеприготовленный зефир и воз-душные, притопленные сливками самбуки. До сих пор помнит бывший повар 1-й категории ресторана

ВЫ ЛЮБИТЕ СУП ТОРТЮ?

Крокодильские размышления у музея общественного питания

«Прага» тот снежный цвет белого партактивного хлеба, который, увы, не доходил ни до рабочих, получавших по карточкам свой продмимум, ни тем более до миллинов умирающих от голода кре-стьян Украины. Вычищались следы нэпа, и питание общества уверенно развивалось двумя независимыми путями. Один — путь карточной си-стемы, деревенского голода и муз-ея общественного питания; дру-гой — путь спецстоловых и вель-можных трапез. Деликатесы доро-влюционных и наловских времен отныне стекались лишь в закрытые высокотехнологичные продуктые склады. Бывший повар Наркомтяж-прома Н. В. Волчков может вспом-

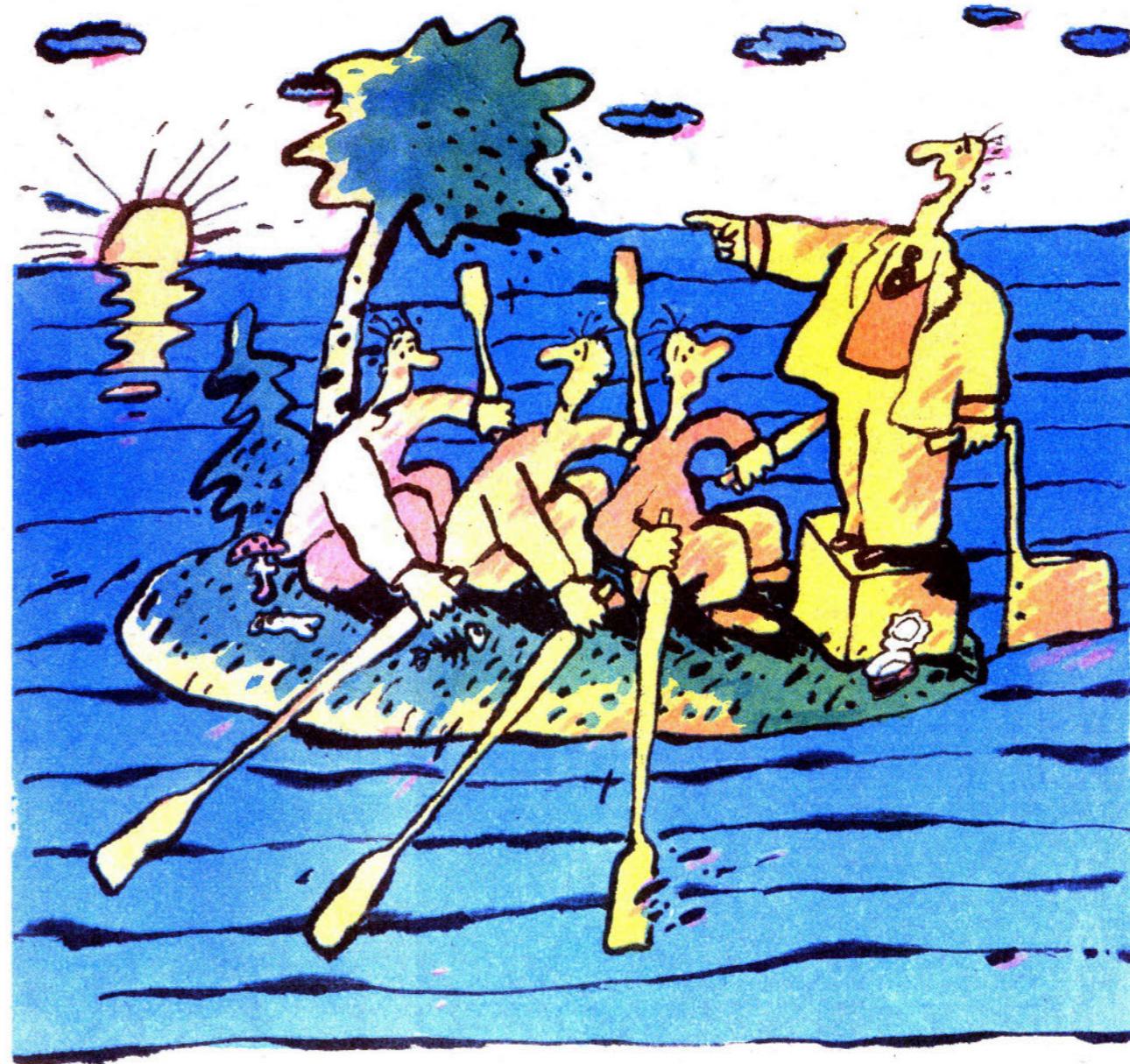
нить, как приходилось ему пригото-влять для вождей пролетариата образца 30-х годов бульоны с про-фильтрами, фрилайчики из рябчи-ков и перепелов, персики в вине и груши в хересе... И если на званом обеде нес вахту либеральный энкаведешник, то он позволял по-варам через приотдернутую шторку взглянуть из кухни на товарища Молотова, Калинина, Кагановича, шествовавших к «котлетам Маре-шаль» под соусом Бергюль». Строжайше запрещалось лицезреть лишь товарища Сталина. О его по-

¹ Это весьма просто — в филе цыпленка заверните бешамель, приготовленную из свежих триофей.

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

Р. ТАНИН.

КРАТКИМ КУРСОМ!

В. ДМИТРЮК, В. МОХОВ (тема).

Однажды в конце 30-х годов у Смирнова-Сокольского собрались эстрадные артисты. Один из гостей со-общил, что арестовали администратора Москонцерта Поздняка. Это был добрый, мягкий, деловой, совершенно отрешенный от политики человек, и поэтому все восприняли: мол, уж совершение невозможно, что Поздняк был врагом народа. Тогда рас-храбрившийся хозяин дома, к ужасу всех присутствующих, позвонил како-му-то начальнику НКВД и попросил срочно его принять. Смирнов-Со-кольский был известный артист, и ему было разрешено немедленно при-ехать. Все отговаривали его от этой поездки, предсказывая самое худшее, однако отступать было поздно, и он отправился в учреждение, приводив-шее всех в ужас.

Принявшему его начальнику Смирнов-Сокольский сказал:

— Я уверен в невинности Позд-няка. Его арест — ошибка.

Начальник затребовал дело. Ему привнесли папку, полную бумаг. Поли-стас дело, тщательно прикрывая его от глаз посетителя, начальник заклю-чил:

— Все правильно. Поздняк аре-стован, так как он пытался скомпро-метировать вождя.

Смирнов-Сокольский обмяк. Храбрость вышла из него, как воздух из проколотого мяча. Извинившись за беспокойство, он ушел. Когда он вернулся домой, гости облегченно вздохнули и стали наперебой расспра-шививать, что же сказали в НКВД. Смирнов-Сокольский объяснил, что Поздняк арестован правильно: он пытался скомпрометировать вождя.

Тогда конферансье Гаркави удив-ленно спросил:

— Что же это за вождь, если его можем скомпрометировать Поздняк?

См. стр. 15. ►

«СОЛОВЕЦКИЙ

КРОКОДИЛ»

До своего посещения Соловков я имел об их истории смутное представление. Несколько дезо-рентировал и туристский буклет, изданный в 1987 году: цветные фотоснимки красот приро-ды, отдельные исторические факты, восхваление созиательного труда русских людей, осваивающих острова. О двадцатых годах — одна строчка: «В 1928 году на островах разведена ондатра»...

И вот я на Соловках, и вот стою на горе Секирной и узнаю, что на этих склонах расстели-вали заключенных, а там — в церкви Вознесе-ния — пытали, а на строительстве дамбы — сам-ом интересном объекте туристского маршрута «Кремль — остров Большая Муксалма» — людей использовали в качестве толкающих и тянущих силы, даже термин существовал — «человек-ло-шадь»...

Но главные сведения я почерпнул в музее. Здесь в июне нынешнего года открылась наконец первая в стране выставка, посвященная первым советским концентрационным лагерям. Ее авторами стали ленинградские художник Александр Баженов и фотограф-портрет, консультант фильма «Власть Соловецкая» Юрий Бродский.

Тем, кто, как и я раньше, ленты этой не видел, расскажу вкратце об истории местной «зоны». Соловецкие лагеря особого назначения (сокра-щенно — СЛОН) подчинялись ОГПУ и были им образованы в начале двадцатых на основе ранее существовавших северных лагерей — Партомин-ского, Холмогорского, Мудьюжского и Архангель-ского. Первые партии заключенных прибыли сюда 6 июня 1923 года.

Кто же томился тут (а по официальной терми-

нологии — «перевоспитывался»)? Легче сказать, кого здесь не было! Вот весьма приблизительный перечень: чиновники царского правительства, бывшие офицерские чины, прокуроры, городские головы, представители всех российских полити-ческих партий, священнослужители, энтомисты, деятели науки, искусства и культуры, так назы-ваемые «вредители», троцкисты, бухаринцы и иные «уклонисты», «вычищенные» из партийного и государственного аппарата ответработники и члены их семей, чекисты «кировского набора», а после — из команды Ягоды Ежова, прочие, прочие, это не считая уголовников, которых тоже тут были...

И все же до кровавого режима Воркуты, Колымы и Магадана 1937 года и позже Соловкам было относительно далеко. Тут еще существова-ли крохи кое-какого «либерализма», издавались газеты и журналы, были свои театры... Театр первого отделения руководили Н. С. Борин и Б. А. Глубоковский — они ставили «Свадьбу Кречинского», «Ревизора», «Не все коту масленица». Другие два театра были больше похожи на агитколлективы синеблузников: ХЛАМ (художни-ки, литераторы, актеры, музыканты) и СРАМ (союз работников андерской муз). Существовал украинский хор. И даже отдельный хор из уголовников — «Свои». Было образовано Соловецкое отделение Архангельского общества краеведе-ния, взявшее под охрану архитектурные и исто-рические памятники на островах, велася соответ-ствующая научная работа, даже научные труды выходили... В 1925 году открылись музей и био-сад, позднее реорганизованный в питомник пуш-

ных зверей (вспомним ондатру из туристского буклета)...

И вот наконец я подхожу к главной части моего рассказа — к печатным изданиям. На Со-ловках выходили: еженедельная газета «Новые Соловки», ежемесячный журнал «Соловецкие острова» и стенная газета «Стукач». О последней ничего сказать не могу — экземпляры «Стукача» не сохранились. Но, судя по названию, жанр ее был, скорее, юмористический... Так же касается газеты и журнала, то в музее они выставлены, и могу констатировать: по своей структуре, на-правленности они практически не отличались от обычной прессы — партийная жизнь администра-ции СЛОН, репортажи, исторические очерки, фе-льетоны.

Здесь же, в музее, я и наткнулся на две ксерокопии первого (и, скорее всего, единственного) номера «Соловецкого Крокодила». Вышел он 13 сентября 1925 года и задумывался как регулярное приложение к «Новым Соловкам». Номер состоял из нескольких юмористических произведений — заметок, стихов, анекдотов, ри-сунков. Ниже вы прочтете некоторые из них, ко-торые я переписал в свой блокнот. Никто из работников музея не смог сообщить мне каких-либо подробностей об издании «Соловецкого Крокодила». Поэтому обращаюсь к читателям: если кто знает, а может, и хранит его экземпля-ры, напишите нам, пришлите, если это возможно, фото- или ксерокопии.

Я же хочу завершить свой рассказ тем, чем и завершилась вся соловецкая «вольница»: осе-нью 1937 года сюда прибыла тройка УНКВД по

Ленинградской области. Цель — пересмотр «по-литических» дел. Многим добавили сроки, многих расстреляли.

В 1938 году при лагере образован ВИОНЗ — Всесоюзный изолятор особого назначения за-крытого типа. Резко ухудшается положение за-ключенных. СЛОН переименовывается в СТОН — Соловецкую тюрьму особого назначения (симво-личная аббревиатура, не так ли?). Тюрьма дей-ствовала до осени 1939-го и в системе ГУЛАГа числилась под номером один...

С. ПОЛЕВОЙ.

Писем ворох, мешки и мешки, За работой и отдыха нет... Крокодилем хвостом Соловки Цензорам посыпают привет...

МНОГО ПОТЕРЯЕШЬ...

— Ты еще не подписался на газету «Новые Соловки»?

— Нет, а что?

— Много потеряешь. Знаешь...

— А что?! Досрочно не дадут, в нагрузку не поладу?

— Хуже. Газета выходит теперь с двумя приложениями — «Безбожником» и «Крокодилем». А «Крокодил» — это маленький, в красках отпечатан будет. Цветной крокодилище, с зу-бами острыми. Нужно подписаться, брат, по-скорее, не откладывай!

— Была не была, «сто рублей — не деньги», в тем паче 26 копеек в месяц — дешевле грибов и пареной репы!

КРОКОДИЛ-ПАРИКМАХЕР

Сев на старое корыто, бритву точит Крокодил: Очень много рож немытых у занесшихся «светил» —

* Представители бывшей русской аристократии, си-девшие в лагере.

Ждут комиссии повсюду, разговоры, толот, гам, Мoет грязную посуду Крокодил и тут и там. Темы здорово стареют, но гляди, недалеко Крокодил всех «звезд» побреет новым смехом — номерком!

СОЛОВЕЦКИЙ СОННИК

• Видеть во сне электростанцию — ходить всю ночь вптымах.

• Будучи плохим ротным, увидеть Кедро-ва — к бессонице, потерять аппетит, спокой-ствию и т. д.

• То же — видеть Васькова ** — обязательно «казенный дом», постель без принадлежностей, «диетическое питание», горный санаторий в Секи-рах...

• Видеть хорошую погоду, только что устро-ившись в канцелярии, — к переводу на общие работы (баланы, торф, кирзвод).

• Видеть себя на берегу озера с хорошенкой Баня-рекой — к разлуке, сборам в дорогу (не дальнико).

• Дезертировать с работ — получить неожи-данное освобождение от них без печальных по-следствий...

* Кедров — начальник особого отдела ВЧК, один из организаторов Соловецких лагерей.

** Васьков — начальник административной части лаге-

ПЕРЕСТАРАЛИСЬ!..

Из мемуаров крокодильца-ветерана

Было это ровно сорок лет назад, в декабре 1949-го.

Вся страна в ту пору готовилась торжественно отмечать семидесятилетие «великого и любимого отца народов». Готовилась к этому выдающемуся событию и газета Прибалтийского военного округа «За Родину», где я подвизался в качестве нештатного автора литературного отдела.

Если сказать, что в редакции царила обычная суматоха, значит, ничего не сказать. Суматоха была чрезвычайной. Суетились все — от редактора-полковника до курьера. Духоподъемность чувствовалась во всем: и в том, как лите-

трудники звонили по телефонам авторам, говоря загадочно: «Чтоб материал был на уровне — сам понимаешь, каком!» Но вот, слава Богу, разворот был с горем пополам сформирован, и макет доложили редактору.

Ответственный секретарь с трепетом ждал полковничье «добро». Однако тот медлил.

— Нет, — сказал наконец редактор, — чего-то тут не хватает. Чего-то такого, — он щелкнул пальцами, — понял?

Секретарь не понял, но подтвердил, что да, действительно чего-то не хватает.

— Стихов? — предположил секретарь.

— Во-во, — обрадовался редактор, — именно стихов. Таких, знаешь, величественных и торжественных. Сообразно дате.

И тогда один из лите-трудиников был срочно командирован на второй этаж в редакционную библиотеку на предмет подыскания величественных стихов сообразно дате.

Бедняга перерыв всю библиотеку, но стихи попадались всем известные, в основном песни типа «О Сталине мудром, родном и любимом» и т. п. А надо было неизвестные, редкие.

И тут смущалась под руку большая, роскошно изданная книга «Письма народов СССР товарищу Сталину». Лито-

ВЕРХ-КОЛОНÓК, НИЗ-БЕЛКА...

О знакомых услышали: есть такой старый портной, Юрий Дмитриевич Ефремов, шил мундир самому Сталину. Мы подумали: может быть, пригодится для нашего номера? Стали разыскивать, нашли, встретились. Но рассказал он не совсем то, что мы ожидали... Впрочем, все равно занято!

«...Это было в начале марта 1953 года. Работал я на Фрунзенской набережной в военном ателье. Приходил закройщик и начальник ателье, поклонник. «Срочная работа!» Срочностьоказалась особая — сшить надо было к утру. И не чистибум, а целый костюм. «Кому? — сами понимаете! И мы с напарником поняли. Он шил брюки цвета каких с лампасами — они что у генерала, что у маршала одинаковые. А я — китель, по всем правилам, как раньше носили. Но... почему-то без подкладки! Дали нам задание — и оставили на всю ночь вдвоем. Заперли в полуподвалном помещении. Две швейные машинки оставили, угол и ведро — в уборную, сами понимаете, не выйдешь. Около семи утра мы все закончили. Вскоре нас отпустили. Оказывается, уже приехали — маршалы Бирюзов, Баграмян, Москленко. Мы вышли — они все стоят, все с телохранителями. Я передал им на вешалке костюм. Вот и все. А полукруг подошли, мы получили по сто тридцать шесть рублей за сверхурочную работу. Потом я три раза был в Мавзолее. Заходил, спускался — по-моему, направо лежал Сталин. В том самом кителе...

А в 1961 году я шил Кагановичу, уже после того, как Хрущев его раскритиковал. Я работал уже в гражданском ателье, на Третий Фрунзенской. Заходит ко мне заведующий — он, кстати, бывший начальник лагеря, шить там научился, но

Виктор КОРКИЯ

ОТРЫВКИ ИЗ ПАРАТРАГЕДИИ

БЕЗ ПЬЕДЕСТАЛА

Издательство «Московский рабочий» затеяло выпуск серии «Анонс» — произведения литераторов, чьи имена до последнего времени были «широко известны в узких кругах». И первой книжкой цикла стала пьеса Виктора Коркия «Черный человек, или Я белый Сосо Джугашвили» — сатирическая комедия (хотя автор и назвал ее «паратрагедией»). Считая это немальным событием «в нашем цехе», Крокодил задал поэту-драматургу главный вопрос:

— Виктор, что ты хотел сказать зрителям своей, не побоюсь крепкого слова, фантасмагории?

— Пусть каждый зритель — а пьеса идет сейчас в Студенческом театре МГУ и многих других театрах страны — решает сам. Если пьеса без загадки, это плохая пьеса.

— Ну, хорошо, ответь по крайней мере, что твой движало, когда ты садился за стол?

— Я подумал: не превращается ли Сталин из героя со знаком «плюс» в героя же, но со знаком «минус»? В эпизоде Геник Злодейства? Не пора ли назвести его и с этого пьедестала? В сущности, он смешон и жалок в своей псевдореволюционной демагогии...

— Говорят, ты постоянно дописываешь «актуальные» куски?

— Да, стараюсь послевать за событиями. Вольный сюжет пьесы позволяет это делать.

Крокодил публикует отрывки из 2-го действия «паратрагедии», которые (отрывки) дают представление как о стиле автора, так и о характере этой сатиры в целом.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК, или Я белый Сосо Джугашвили

Сцена 3

Входят актеры, играющие Сталина и Берия.

ПЕРВЫЙ

Продолжим наши игры, друг Лаврентий!

ВТОРОЙ

Мне надоела роль моя. Давай ролеми поменяемся. Я Сталин, ты Берия.

ПЕРВЫЙ

Зачем?

ВТОРОЙ

Закон театра — игра. И я хочу сыграть тебя, играющего роль Вождя Народов.

ПЕРВЫЙ

Зачем — не понимаю. Я не ты, а ты не я, и Берия не Сталин.

ВТОРОЙ

Так ведь и ты не Сталин.

ПЕРВЫЙ

Как и ты не Берия.

ВТОРОЙ

Я здесь, товарищ Сталин!

ПЕРВЫЙ

Театр не балаган. В нем должен быть какой-то смысл.

ВТОРОЙ

В нем должен быть театр!

ВТОРОЙ

Игра и тайна. Тайна, тайна, тайна...

...Напомни разреши, товарищ Сталин, нам режиссер отнюдь не запрещал ролеми поменяться. Каждый хочет ролью поменяться. Я хочу ролью поменяться.

ВТОРОЙ

Прошу, как брата.

ПЕРВЫЙ

Нет, не вижу смысла.

ВТОРОЙ

Товарищ Сталин, ты искусствовед?

Ты критик? Пусть они о смысле спорят. Пусть зрители подумают, зачем актеры поменялись вдруг ролеми.

На крайний случай есть министр культуры. Уж он-то смысл, я думаю, найдет.

ПЕРВЫЙ

По-твоему, найдет?

ВТОРОЙ

Не сомневаюсь.

А не найдет — какож же он министр!

ПЕРВЫЙ

Ты начинаешь рассуждать, как Сталин, ты Черный человек, клянусь тебе!

ВТОРОЙ

Я — Берия, а не министр культуры!

ПЕРВЫЙ

Запомни, друг Лаврентий: в мире много таких, что не дают себе отчета, чью роль играют, чью хотят сыграть и для чего меняются ролеми...

ВТОРОЙ

Прихожу я к нему, кухня метров восемь, стол посередине, зеркало небольшое в рамочке и полочка перед зеркалом. Выносит шубу, говорит, что надо отреставрировать... Ладно, забрал я работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу вашу распорол, верх колонок, низ белка — там все рухлядь. Я за работу, сказал — посторони. А скоро мне деньги понадобились. Иду по швейному цеху заниматься — у той нету, у этой нету. Дай, думаю, к Лазарю Моисеевичу сбегаю, аванс возьму. Прихожу — он дома. «Я...», говорю, — шубу ваш

ИСТОРИЯ С ВОДЕВИЛЕМ

Спецкор Крокодила о преемниках сталинской цензуры

Передо мной на столе — номер «Литературки» восьмилетней давности. Восемь лет для истории — срок ничтожный, но газета уже успела пожелтеть и пропитаться характерным архивным запахом. На последней странице нахожу один из первых своих фельетонов, пробегаю его глазами и начинаю вспоминать...

По нынешним временам тема фельетона была в общем-то пустяковой: о том, как трудно, а порою и невозможно достать билеты в лучшие столичные театры. Я добросовестно исследовал проблему, встретился с администраторами театров, с работниками театральных касс и выяснил, что причина хронического дефицита билетов — непомерно разросшаяся броня для всевозможных высокопоставленных чиновников и «солидных» учреждений. Недаром театры называли ее «броней». После нее в кассах оставались буквально считанные билеты в лучшие театры...

В то время я увлекался литературными играми и был сторонником «фельетона формы». В моем активе уже были фельетон-письмо, фельетон-рассказ, фельетон-протокол собрания. Короче, я решил поиграть и здесь и задумал написать фельетон в форме стихотворного водевиля — одного из старейших театральных жанров.

В редакции фельетон-водевиль понравился, и его решили поставить в ближайший номер. Все шло гладко до самого последнего момента, когда до выхода номера в свет оставались считанные дни...

И тут в публикацию вмешался не кто иной, как В. В. Гришин, тогдашний первый секретарь МГК КПСС. Точнее, не он сам, а страх перед ним со стороны руководства газеты. В столичных журналистских кругах было хорошо известно, что Гришин не терпит критических замечаний в адрес Москвы — образцового коммунистического города. Нет, в какой-то мере они допускались в самой московской печати (надо же в конце концов хоть что-то критиковат!), но в центральной было почти что табу... Обо всем этом я узнал чуть позже, а тогда был сильно изумлен, когда за пару дней до выхода фельетона позвонил мой редактор и дрожащим от волнения голосом сообщил, что ведущий номера требует убрать все упоминания о Москве. «Но это невозможно! — вскричал я.— Снимайте фельетон!» «Поздно! — tragически выдохнул в телефон редактор.— Полоса уже сверстана, и заменить материал нечем... Может быть, поправим?» «Но там же стихи!» — попытался возразить я, понимая, впрочем, что спорить в подобных случаях бесполезно...

Без обычного трепета, скорее, со страхом вынимал я номер газеты из почтового ящика. То, что я увидел, превзошло все опасения. Мой бедный редактор поработал на славу. Судите сами:

было
ТЕАТРАЛ (заискивающе). Мне бы один билетик...

КАССИР. Нету!

ТЕАТРАЛ. Но...

КАССИР (перебивает). Вижу, что не в оперетту! Очки, куртка наизнанку... Небось во МХАТ иль на Таганку...

стало
ТЕАТРАЛ (заискивающе). Мне бы один билетик...

КАССИР. Нету!

ТЕАТРАЛ. Но...

КАССИР (перебивает). Вижу, что не в оперетту! Очки и пиджак широкий. Небось хотите в популярный?..

И так далее. Конкретный фельетон превратился в неконкретный, а конкретные московские театры — на Таганке, Сатиры, МХАТ — под ловким редакторским карандашом трансформировались в абстрактные «популярные», «хорошие», «эти». Была помилована лишь оперетта, но театры оперетты есть во многих городах, не только в Москве. В общем, все намеки на столицу из фельетона исчезли... Но более всего поразило меня другое:

было
К окошку Администратора подходит Мужчина в шляпе.

МУЖЧИНА. Мое почтенье, Пал Сергеич! Звонил вам Леонид Андреич?

АДМИНИСТРАТОР. Ах, Ленечка! Да, как же, точно! Ну, как там он, супруга, дочка?

МУЖЧИНА (удивленно). Простите, что-то здесь не так: он убежденный холостяк...

стало
К окошку Администратора подходит Мужчина в шляпе.

МУЖЧИНА. Мое почтенье, Пал Сергеич! Звонил вам Александр Андреич?

АДМИНИСТРАТОР. Ах, Сашенька! Да, как же, точно! Ну, как там он, супруга, дочка?

МУЖЧИНА (удивленно). Простите, что-то здесь не так: он убежденный холостяк...

Заметили разницу? Вместо Леонида Андреевича, придуманного мною без малейшей задней мысли, появился Александр Андреевич!

Оказалось, что этот «Леонид» едва не стоил моему несчастному редактору работы. Зам. главного редактора вызвал его на ковер и сказал так: «Леонида» немедленно убрат! И если еще хоть один «Леонид» когда-нибудь появится хоть в одном фельетоне, можете попрощаться с вашим местом!

...Еще и еще раз я пробегаю глазами пожелтевшую газету — бумажный памятник совсем недавней эпохи застоя. Неужели все вышеописанное и впрямь происходило всего лишь восемь лет назад? И каждый раз, когда одолевает пессимизм, когда кажется, что перестройка движется слишком медленно, я вспоминаю эту водевильную историю и успокаиваюсь.

Вот только иногда свербит предательская мыслишка: неужели мы, такие умные и хорошие, жили при этом и все это терпели? Да, жили. Да, терпели. И потому не должны допустить повторения.

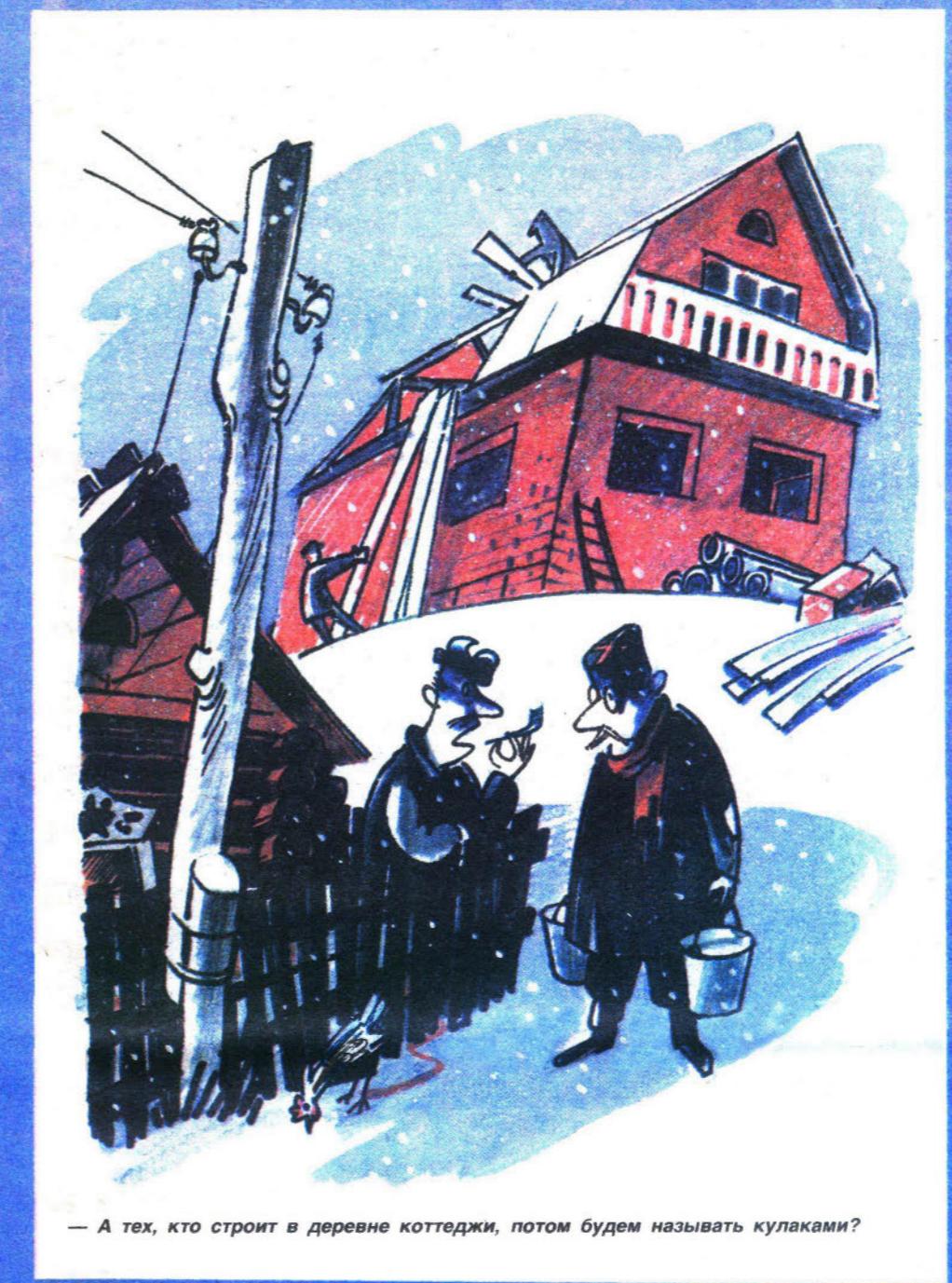
...Мое почтенье, Пал Сергеич! Звонил вам Михаил Андреич? Вот видите: напечатали. И слава богу!

В. ВИТАЛЬЕВ.

Примечание автора. Я не называю имен сотрудников уважаемой еженедельной газеты, дабы не обижать хороших и скромных людей, до сего времени работающих в ней, которые в застое время, как и большинство из нас, были всего лишь винтиками идеологического аппарата.

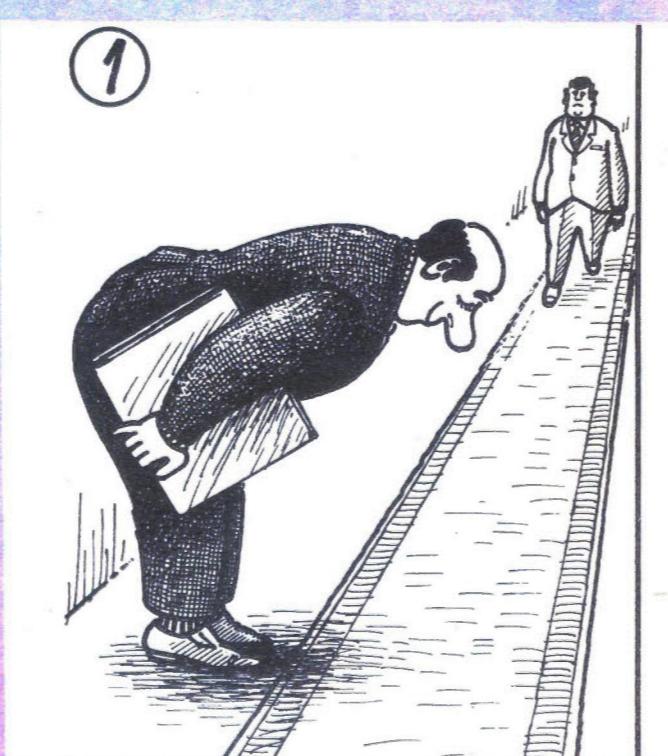

А. УМЯРОВ.

— А тех, кто строит в деревне коттеджи, потом будем называть кулаками?

В. МОХОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

В. ПОЛУХИН, В. ТИЛЬМАН (тема).

И. СМИРНОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Наш «новояз»¹, это лингвистическое порождение Административной Системы², при всей своей кажущейся шершавой простоте подернут флером таинственности. Сколько раз ворде бы слышал я в этой земной юдоли словосочетания «наработать в разрезе выполнения постановления», «превести решение» или «готовить вопрос», но сокровенный их смысл каждый раз держко ускользал от моего пытливого, но неподготовленного рас-судка.

Междя тем я догадывался, что перечисленные фразеологические обороты — своего рода пароль в коридоры власти, что между «новоязом» и нашим обыденным языком пролегла некая социально-семантическая пропаст, над которой кружат пухоголовые вахтеры. Взять ту же категорию «вопросов». Погдавляющее большинство трудящихся, как правило, их задает. (Классические примеры: «какой счет?», «что дают?», «за что боролись?» и «когда все это кончится?»). Относительно меньшая, но растущая часть населения вопросы ставит. Но готовят их только посвященные.

И я бы, конечно, никогда не узнал, как это делается, если бы в мои руки по счастливой случайности не попала небольшая (22 стр.) брошюра с грифом «ДСП», озаглавленная «XXXIV конференция Октябрьской районной организации КПСС» (Москва, 1988, тираж 75 экземпляров). Свидетельствуя: кто бы ни **готовил** данный вопрос (я имею в виду подготовку и проведение районной конференции) — скромный ли аппаратный титан, пожелавший остаться неизвестным, или же коллективный разум группы товарищ, — он обладал феноменальной памятью энциклопедиста в сочетании с практической сметкой экспериментатора. О виртуозном владении «новоязом» я не говорю, это само собой.

Все учтено могучим ураганом, все расписано по минутам — от «сбора и инструктажа обслуживающего персонала (рабочие сцены, уборщицы)»

и «указания об открытии дверей в зал» (7 часов 50 минут, ответственный Самарин) до «исполнения Интернационала» (21 час 30 минут).

Или взять «Работу со счетной комиссией». Хотя означенная комиссия должна приступить к работе только в 16.00, уже в 7.00 товарищам Ильяшенко и Кувалдину предписывается осущес-

твление записок в президиум», а т. Блинкова — за «подачу записок из зала в президиум».

А вот что касается «Работы с комиссией по предварительному формированию состава выборных органов районной партийной организации», здесь не все ясно. Легкое изумление вызывает, например, такой пункт: «Наличие спи-

«территории выставки» именно в период голосования? Дурная примета, что ли? А может, практика показывает, что делегаты конференции таким образом норовят уклониться от голосования? Не для того ли нужна пресловутая веревка, чтобы ею вязать и на ней вести участников конференции из «Палехской комнаты» в зал?

Но есть и простые для восприятия пункты брошюры. Например, 8-й: «обеспечение трансляции песен и маршей»: — проверил готовность к трансляции с 7.00 до 7.30, убедился в ней еще раз в 7.30 и транслируй себе. А твои товарищи в этот же промежуток времени проведут «инструктаж работников гардеробов».

Предела для совершенства, конечно, нет, и можно бы посетовать на то, что отдельные пункты все-таки проработаны не до конца. Написано, предположим, что группа товарищей в составе четырех человек осуществляет «посадку делегатов в автобусы и отправку на обед», а соответствующая детализация задачи отсутствует. Я бы добавил в скобках: «Автобус, шофер, тормоз, сиденья, колеса, повар, обед, колпак повара, подогрев обеда, столовые приборы и т. д.».

Полноте, да мыслимо ли браться за проведение столь серьезного и ответственного мероприятия, как районная партконференция, без четкого графика работы и разумного распределения обязанностей, спросят у автора. Ну, кто же станет спорить с очевидным? Единственное, против чего протестует естество, — это та легкость, с которой многие рациональные идеи доводятся до аппаратно-бюрократического абсурда (надо полагать, товарищи из Октябрьского РК КПСС тут не одиночки, и подобных брошюр по нашей бескрайней Родине в период отчетов и выборов издаются тысячи). Вот и становится ясным, отчего так неохотно и вяло скращаются штаты партийных комитетов: скажем, сократи их, и кто тогда будет заниматься «обеспечением периодической смены стакана с чаем» на трибуне конференции?

В самом деле, кто?
Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
секретарь партбюро «Крокодила».

Фельетонист Крокодила постигает премудрости современного партийного бюрократизма

ствить «проверку наличия необходимых материалов», а именно: инструкции, ящиков для голосования, сургуча, веревки, печати, бумаги, карапаншей, подогрева сургуча, копировальной бумаги, пишущей машинки, протоколов и т. д. И уж только стопроцентно убедившись в «наличии подогрева сургуча», тот же вездесущий Кувалдин должен в 19.00 «проводить председателя на сцену для зачтения протокола № 1 и объявления порядка голосования».

Не менее скрупулезно разработаны направления «Работы с секретариатом». Тут достигнута высшая степень разделения функций: т. Тимохин, например, отвечает за «обеспечение по-

сков кандидатов, выдвинутых в состав районных органов, канцтоваров, доставка их в малый зал». Идет ли речь о двух категориях кандидатов, из коих одни выдвинуты в состав районных органов, а другие, напротив, в число канцтоваров?

Есть и другие загадки. Пункт 7 раздела III («Работа с делегатами и гостями конференции») предусматривает «обеспечение работы выставки», а к нему имеется примечание: «Во время голосования в 19.00—20.00 должен быть исключен проход на территорию выставки и в зал «Палехскую комнату». Мистерия какая-то. Почему нельзя в «Палехскую комнату», а тем паче на

¹ © Джордж Оруэлл.

² © Гавриил Попов.

ЭХ, ЯБЛОЧКО...

Эта старая карикатура вряд ли нуждается сейчас в каком-либо комментарии сверх того, что сопровождал ее в «Крокодиле» в 1922 году:

«НОВЫЙ ПРОРОК ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫДВИГАЕМЫЕ ЭЙНШТЕЙНОМ, ПРОТИВОРЧАТ ФИЗИКЕ И ГЕОМЕТРИИ. МАЛО ТОГО, ОН ОПРЕДЕЛЕННО УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ГЕОМЕТРИЯ ЕСТЬ ПРОДУКТ МЫШЛЕНИЯ. ВСЕ ЭТО ВМЕСТО ВЗЯТОЕ СТАВИТ ЕГО НА ОДНУ ДОСКУ С ИДЕАЛИСТАМИ И ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЭТА ТЕОРИЯ ДАЛЕКА ОТ ПРОЛЕТАРИАТА И НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ ЕМУ НЕ РОДСТВЕННА. ЭТА ТЕОРИЯ БУРЖУАЗИИ И БУРЖУАЗИИ ВЫРОДЖАЮЩЕЙСЯ».

О какой, собственно, теории идет речь, объясняет подпись к рисунку:

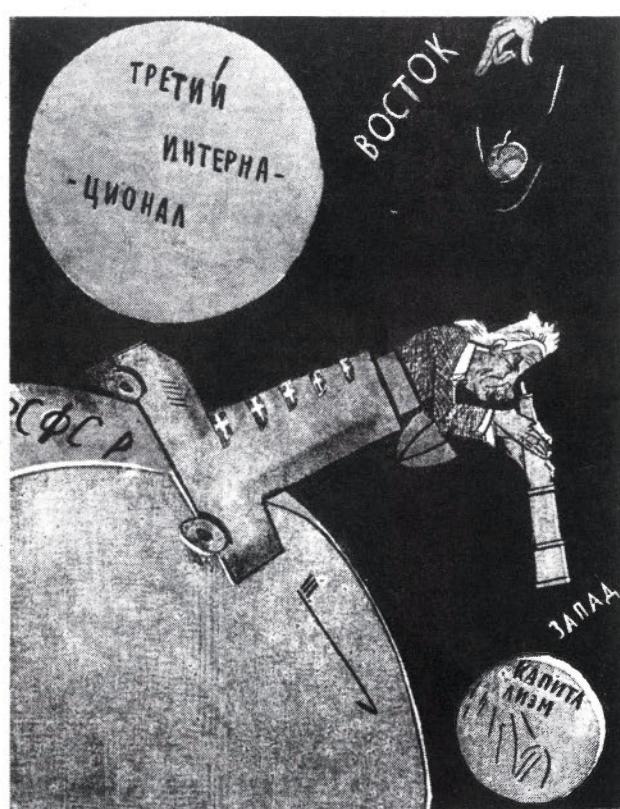
— А ЯБЛОКО НЬЮТОНА ВСЕ-ТАКИ ПОПАДЕТ ЭЙНШТЕЙНУ В ГОЛОВУ, БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО К ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.

Единственное, что имеет смысл добавить: безвестному сотруднику Белоцерковской селекционной станции Главсахара Трофиму Лысенко в то время не исполнилось и двадцати четырех лет.

Яблоко, брошенное в голову буржуазного ученого Эйнштейна, упало недалеко от яблонки, на которой четверть века спустя буйно вызрели плоды лысенковской биологии. Сам Трофим Денисович к этому времени окреп и стал прицельно бить по головам вейсманристов, морганистов и менделевистов. Жалко сутятся на крокодильской карикатуре 1948 года классово чуждые профессора.

Говорят, что мы прозевали научно-техническую революцию. А может быть, ее просто закидали яблоками?..

П. РЭМ.

РАДОСТНАЯ ПЕСНЯ,

или Ностальгия по колючей проволоке

Вообще-то я и раньше подозревал, что до идеала мне далековато. А тут словно в зеркало взглянул, получив обширнейшую почту на свою публикацию «Письмо от Сталина» (№ 24). Если помните, там был взят под защиту наш художник В. Мочалов, который изобразил в карикатурном виде И. В. Сталина. Граждане, до сих пор почитающие вождя как бога, обрушили на голову В. Мочалова проклятия. Откликаясь уже на мое выступление, сталинисты в емкой ярлыковой форме создали коллективными усилиями, прямо скажем, гнусноватый портрет автора. Хорошенький же, оказывается, он субъект — просто плюнуть в него хочется! Или сдать его в колонию строгого режима для перевоспитания.

Начнем с политического облика автора.

Во-первых, он «отпрыск врагов народа», во-вторых, «недобий троцкист-бухаринец», в-третьих, «дисидент», в-четвертых «тварь перестроечная». Чтобы сделать приятное своим обвинителям, которые помогли ему раскрыть на себя глаза, автор сразу признается, что в 37-м, когда Сталин порешал стольких шпионов и диверсантов, его родители, прекрасно зная, что собираются родить отпрыска врагов народа, проявили редкое коварство, скорыли автора от ответственности и произвели на свет только два года спустя, когда основная волна арестов спала. Родившись и встав на ноги, автор — как ему теперь стало ясно — всю жизнь маскировался то под активного пионера, то под члена партбюро, оставаясь в душе злостным недобитком. И вот кульмиационная точка его деградации: «тварь перестроечная».

Теперь об умственных способностях автора, да и всех, у кого Сталин не рождает в душе светлых чувств. Не любить Сталина, по мнению его горячих поклонников, может только «дебиль», «дурак», «цыплячья голова», «умник», «горе-писака». Соответственно сами сталинисты все сплошь светлые головы, способные заткнуть за пояс нашу академическую науку. Нетрудно убедиться, что с точки зрения терминологической смелости уже заткнули. Судя по почте, каждый крокодилец, высказавшийся против тоталитарного режима, не только «тварь перестроечная», но и «сука», «согляк», «тля», «подонок», «сволота», «ласкуда».

В способах расправы со своими противниками наши разлюбезные сталинисты проявляют удивительную прыткость и живость ума. Я бы сказал, что, беря на себя почетные палаческие функции, они заметно приободряются, эмоционально вспыхивают, испытывают ни с чем не сравнимую радость от рожденной в их мозгу экзекуции. Они и вешают не разделяющих их воззрений журна-

листов, и расстреливают, и топят, как котят в мешке, и прибегают к менее распространенным видам убийства с использованием бытовых электроприборов.

В одном из писем предлагается отправить в возрожденные сталинские лагеря каждого второго жителя страны (ничего не поделаешь — к великому вождю охладили миллионы наших сограждан), в другом эта мысль осовременивается: «Да, в лагере, но под жестким контролем народных депутатов». Таким образом наши изобретатели приобщаются к сталинской науке приговаривать и мигом решают продовольственную проблему: если полностью отправить за колючую проволоку на хлеб и воду, оставшееся население уже не будет испытывать недостатка в продуктах.

На всякий случай художник В. Мочалов, из-за которого я ввязался в полемику со сталинистами, насыпал сухарей и приготовил теплое белье. Мне белье вряд ли уже понадобится, судя по письмам, я персона, недостойная даже лагеря. Хотя Феликс Эдмундович Дзержинский (от его имени мне написал некто из города Георгиевска Ставропольского края) и настроен довольно миролюбиво по отношению ко мне, не настаивая на высшей мере, где гарантии, что завтра не поступят послания от Ягоды или Берии? А ух от них пощады не жди! От одного обратного адреса мураски по коже побегут!

Не менее страшно осознавать, что в городе Краснодаре живет человек (он даже свой номер телефона указал), который каждое утро смотрит на портрет генералиссимуса и ритуально поет:

На просторах Родины чудесной
Закалаясь в битве и труде,
Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Неуточнено становится и когда читаешь гимн вождю, присланный с моей родины, из Новосибирска: «Ты был святыней для России, Сталин! О как светился Кремль в те годы, когда Ты правил всей страной! Ты краток был, и скромен, и разумен, и величав...»

Неуточнено оттого, что никак не могут осознать наши корреспонденты: Кремль при Нем светился отблесками от инквизиторских костров!

Неуточнено от всех этих песнопений, от ярлыков и угроз, которые, оказывается, благополучно донесены до наших дней. Чтобы и ты, читатель, мог прикоснуться к этому «роднику», печатаем некоторые из писем.

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ.

Нужен сейчас именно Сталин, чтобы решить национальный вопрос и ликвидировать очереди и талоны. Только репрессия сейчас спасет страну. И она будет! Т. к. руководители среднего звена работать не хотят, а молодежь вышла из повиновения... Вот и решили молодежи забивать головы «сталинизмом». А всякие «Котлованы», «Дети Арбата» — это вымысел писателей. Мы, рабочие и служащие, жили и ничего не боялись.

В. Г. ИВАНОВА, г. Москва.

...жестокость, кровопролитие, репрессии проходили и исходили от НКВД, где хозяинничал Берия. От Сталина эти чудовища все скрывали... А были и настоящие враги народа.

Н. П. АНДРЕЕВА, г. Псков.

Вы никогда не вырвете светлый образ Сталина из наших сердец, потому что все, что вы пишете, ЛОЖЬ, и мы-то это знаем и говорим об этом нашим детям и внукам... Сейчас, когда кругом все рушится, никому мы уже не верим, убедились уже в том, что хрущевские выкорчевши развалили социализм и нагло повернули к капитализму. Мы ЖИЛИ при Сталине, а теперь только влечим жалкое существование, которое нам дало поколение Хрущева...

ПЕТРОВА, г. Свердловск.

...что касается репрессий при Сталине, то общество становилось чище, избавляясь от скверны: жуликов, взяточников, казнокрадов, политических евреев-авантюристов. Да и не так уж много «пострадало». Реабилитировано 261 тыс. Сейчас из-за пьяного угла на дорогах гибнет почти столько же. Так что жив тов. Сталин. И вы можете махать рукой Горбачеву сколько угодно, а мы подождем.

В. СОКОЛОВ, г. Москва.

МИМОХОДОМ

Руки не связывать: пусть аплодируют.

Живущие в комнате ужасов боятся выйти из нее.

Уж лучше конь в сенате, чем ослы.

Повешенный всегда выше палача.

Чем больше армия, тем слабее государство.

А. ДАВИДОВИЧ, г. Воронеж.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 1988-го...

Старый рабочий одного из новороссийских заводов нашел валявшийся бесхозный бюст Сталина. Привез домой и установил у себя в саду, выкрасив «серебрянкой», так как бронзовой краски под рукой не имелось. Когда фотокор попытался сфотографировать хозяина на фоне бюста, он запротестовал: «Что он мне, родня, что ли? Просто валялся, жалко». «Молчи», — сказала жена хозяина, — они из газеты, лучше тебя знают, что надо делать». Хозяин покорно сел на скамейку рядом с корреспондентом «Новороссийского рабочего». А неугомонные внуки без конца сновали по ветвям ореха, нависшего над серебряным Сталиным. В конце концов один из мальчишек зацепился ногами за ветку и повис вниз головой. Отчаянно лаяла огромная собака, норовившая ухватить фотокорра страшными зубами. «Сиди, как велят», — поучала жена хозяина, а сам он сидел покорно, скрестив огромные натруженные руки, и повторял: «Что он мне родня, что ли? Однако порядок при нем был...»

Вся ситуация напоминала сцену театра абсурда, картину Сальвадора Дали. Светило жаркое солнце, за забором слышны были шаги людей, спешащих на работу, где-то внизу, на берегу бухты, высился бетонно-мраморный мемориал, толпились туристы, экскурсовод цитировал Брежнева, а кто-то читал газетную статью о перестройке...

Марк ГРИГОРЬЕВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото),
г. Новороссийск.

ВИД ИЗ «ОКНА»

Крокодил внимательно следит за новинками политической сатиры в разных ее формах — в том числе и в рок-музыке. И отметил для себя появление на теленебосклоне новой группы с остросоциальной тематикой своих песен — «Окно». Достаточно назвать такие ее плягеры, как «Иван Ильич», «Вчера опять от имени народа...», «Я прошу залитовать мои сны». Недавно лидер группы Андрей Лукьянов заглянул в нашу редакцию, и Крокодил задал ему несколько вопросов.

— Скажи, пожалуйста, Андрей, почему — «Окно»?

— Имя группы пришло случайно. Надо было идти записывать первые несколько песен на телевидении, а название не придумывалось. Жутко не хотели какой-то претенциозности. И тогда вдруг возникло «окно» — слово простое, короткое, и понятие связано со светом, чистым воздухом, перспективой, наконец. Словом, пришлося ко двору.

— Кредо группы — социальная злободневность?

— Только. И отсюда — моя сценическая «маска». Я ведь отдаю себе отчет, что манеру моего исполнения трудно назвать «пением» или «танцем». Я как бы «человек из толпы», один из зала, который вдруг вышел на эстраду и попытался сказать о наболевшем в такой вот форме. А вообще я по образованию юрист, долго работал в отделе кино «Советской культуры»... Зато музыканты «Окна» — профессионалы высокой пробы. Они же пишут музыку на мои тексты.

— Какого зрителя ты считаешь «своим»?

— Не знаю. Всякого. Но наибольший успех «Окно» имеет у студенческой молодежи и, как ни странно, у... детей!

— Какую свою песню ты порекомендовал бы мне напечатать в этом «сталинском» номере?

— «Архитектор Гаврилов». Она недавно прозвучала в программе «Взгляд». Мне кажется, ее идея соответствует замыслу вашего номера: что за Дом мы построили и что за корректор вмешивался в проект? И как Дом теперь перестраивать...»

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ!

Спрашивается: бывают ли случаи, когда сталинисты и антисталинисты могут думать одинаково? Раньше в редакции «Крокодила» считали, что не бывают. Но тут пришли три письма от читателей А. Константинова и Т. Миринатулина (оба они из Перми) и Н. Булгакова из Новосибирска. Из конвертов выпали одинаковые этикетки — препарата для уничтожения насекомых, выпущенного ростовским «Эдельвейсом» (госпредприятием? кооперативом?).

АРХИТЕКТОР ГАВРИЛОВ

Музыка Давида ЖЕЛЕЗНЯКО,
Стихи Андрея ЛУКЬЯНОВА

Вальс-гротеск

Архитектор Гаврилов за думал построить дом,
— до и — ли дом но не мало жечко не по проек — ту,
— этих речей, ко- нечно, бе- гу по скопре — е.

чтобы было в нем больше свободы, простора и
потому что в проекте не раз вмешался кор-
— да же зимой, ког- да хо- лод- ни ба- та-
све- та.
архитек- тор.
ре- и.

он проек- на- черт- ти и со-
в в доме нет ни чер- та, но мы
— ати- хо шеп- чу сво- е-

ставил примерную смету —
архитек- тор. архитек- тор.
архитек- тор. архитек- тор.
архитек- тор. архитек- тор.

— архитек- тор Гаврилов хо- ро- ший был че- ловек.
— архитек- тор Гаврилов хо- ро- ший был че- ловек!»

2. Но прежде чем строить, нужно рас-
4. Злы- ми твердят, что про-ект до кон-
чистить пло- щад- ку.
за эту ра- бо- ту ре-
ца не про- дум- ан.

За эту ра- бо- ту ре-
что фальшивый он.

бя- та взялись бес- по- щад- но.
анти- на- уч- ный и дут- тый.

На суб-бот-ни-ках пе- ли, пля- са- ли, кри-
ка- ка- я ж от э- то-го поль- за хо-

ча- ли: «Архитек- тор Гаврилов хо- ро- ший
му- то, что архитек- тор Гаврилов хо- ро- ший

был че- ловек!»

3. Ми пост-
5. Я от /

Архитектор Гаврилов задумал построить дом,
Чтобы было в нем больше свободы, простора и света.
Он проек- на- черт- ти и составил примерную смету:
Архитектор Гаврилов — хороший был человек!

Но, прежде чем строить, нужно расчистить площадку.
За эту работу ребята взялись беспощадно.
На субботниках пели, плясали, кричали:
«Архитектор Гаврилов — хороший был человек!»

Мы построили дом, но немножечко не по проекту,
Потому что в проекте не раз вмешался корректор.
В доме нет ни черта, но мы все-таки свято верим:
Архитектор Гаврилов — хороший был человек!

Злы- ми твердят, что про-ект до конца не продуман,
Что фальшивый он, дескать, антинаучный и дутый,
И какая ж от этого польза кому-то,
Что архитектор Гаврилов — хороший был человек?

Я от этих речей, конечно, бегу поскорее,
И даже зимой, когда холодны батареи,
Я тихо шепчу своему сынишке Андрею:
«Архитектор Гаврилов — хороший был человек»...

В ЗАЩИТУ ТОВ. СТАЛИНА

Изготовлено по рецептам
фирмы «Сэксисуй» (Япо-
ния)

ЭДЕЛЬВЕЙС

Рекомендовано органами санитарно-
го контроля

КОБА

Препарат для полного
уничтожения

ТАРАКАНОВ И МУРАВЬЕВ

С добавлением натуральных приманок

При соблюдении инструкции
безопасен для человека.

Не давать детям!

на Дону Годен до V-1991 г.

Цена 1 рубль

И тут, на наш взгляд, независимо от
симпатий или антипатий, двух мнений
быть не может: перед нами образчик
кича, спекуляции на «модной» теме.
Следуя логике эдельвейцев, можно
теперь дойти до изготовления мышеловок
с надписью «Радость Берии». Для
таких явлений в русском языке есть
одно очень точное и емкое слово: дешевка!

Со стр. 7.

ПЛОХО

Товстоногов рассказывал.

Как-то после войны Козинцев показывал свой фильм Сталину и пытался угадать его впечатление. Вдруг вошел Поскребышев, передал записку, посветил фонариком. Сталин буркнул: «Плохо». Козинцев потерял сознание. Сталин сказал:

— Когда очнется этот хлюпик, скажите ему, что «плохо» относится

не к фильму, а к записи. Товарищу Сталину весь мир говорит «плохо» — не падает же Сталин от этого в обморок.

ПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ

— Товарищ Сталин, в городе Н есть человек, очень похожий на вас. Прическа такая же, рост, усы.

— Ликвидировать.
— А может быть, просто побрить?
— Можно и так.

БРАТСТВО ПО ДУХУ

Когда брат Лазаря Кагановича Михаил, обвиненный во вредительстве, застрелился, в Киеве арестовали его второго брата. Из Киева Лазарю позвонил взволнованный родственник:

— Лазарь, спасай брата!
Каганович ответил:
— У меня нет брата. Мой брат — товарищ Сталин.

КВК «АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНЫЙ»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Тот, кто вел кратким курсом. 6. Недавно устаревший способ борьбы с «вредной» литературой. 8. Шестое чувство, отличавшееся глубиной. 10. Решающие все. 11. Рабочее место кормчего. 13. Политический деятель, он же известный литератор, полководец и коллекционер автомобилей. 15. Человек, которого нельзя терпеть рядом (соцсоревноват.). 18. Неизгладимый след после очередного отчетного доклада (брежневск.). 19. Идеалистическое понятие, на которое исчисляют материальную продукцию (которой у нас все еще мало).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Булгаковский герой, пролежавший в столе до «оттепели». 2. Средство разложения человека по пунктам. 4. «Чудесница». 5. Люди, которых у нас нет (сталинск.). 7. Недомагание от сплошной коллективизации (успешн.). 9. Приспособление, с помощью которого п.3 пускал дым в глаза. 12. Политический деятель, приверженец п.4. 14. То, что сначала снимали, а потом ставили. 16. То, что сначала ставили, а потом снимали. 17. Демонстрация перед демонстрацией (военн.).

Составили М. МЕШМАН, А. ПЕККЕР, г. Винница.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 34

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Невесомость. 7. Бараны. 9. Граната. 10. Будка. 12. Сказка. 13. Кость. 14. Неликий. 16. Паровоз. 18. Рокировка. 19. Атлантида. 21. Колесо. 22. Трагик. 24. Арап. 25. Комар. 27. Завмаг. 29. Флюс. 30. Караван. 31. Солома.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Зубы. 2. Ананас. 4. Ворота. 5. Сено. 6. Матрос. 8. Рундук. 11. Извозчик. 13. Концерт. 15. «Лейка». 16. Пороховница. 17. Билетик. 20. Дразнилка. 22. Тигр. 23. Горазд. 26. Мрак. 28. Месса.

КРОКОДИЛ

№ 35 (2655)
декабрь 1989

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Ф. А. ИСКАНДЕР,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 09.11.89.
Подписано к печати 16.11.89.
А 00409.
Формат бумаги 70×108½.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 108).
Зак. № 1533.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ТОСТ КРОКОДИЛА

Друзья!

Вы прочли этот номер. И, надеюсь, задумались — и о силе сталинщины, и о цепкости ее корневой системы, и о том, как нам двигаться дальше. И куда.

Лично для меня, закоренелого оптимиста, тут вопроса нет. Я за социализм. Но не казарменный, а обновленный, демократичный. Я считаю, что классики верно указали основную тенденцию развития человечества: от эксплуатации — к социальной справедливости. Ну, а конкретные пути, очевидно, у каждой страны свои. Будем спорить. Будем сотрудничать. Будем учиться друг у друга!

Сталинщина сильна. И когда стремятся задушить кооперацию, я вижу одобрительную улыбку Генералиссимуса. И когда считают

отступлением от социализма разгосударствление предприятий, а крестьянам на каждом шагу чинят «арендные» преграды, мне мерещится над головами некоторых народных депутатов дымок от Его трубки. И когда иные ретивцы пытаются интеллигенцию противопоставить рабочему классу, в моих ушах звучит голос Кобы: «Верной дорогой идете, товарищи!»

Сталинщина сильна. Нам ее последствия расхлебывать и расхлебывать. Но никто за нас это не сделает.

Завершая номер, я хочу проголосовать тост во славу перестройки. Если бы не она, не было бы ни очистительной демократизации, ни гласности, ни Съезда депутатов, ни обновленного Верховного Совета, не было бы в конце концов

этого номера. Да, конечно, трудностей выше крыши. Кто возражает? Я это вижу, знаю — и по себе самому, и из писем моих читателей. Буксует экономическая реформа, бюджет зияет дырами, как дуршлаг, кипят союзные республики, технический прогресс никак не желает ускоряться, полки магазинов пустуют, зато, увы, не пустуют от наших граждан консульства зарубежных стран... Говорят, что утрачен генофонд наций... Не это ли последствие сталинской политики? Горько думать о подобных вещах, но не в моих, крокодильских правилах закрывать глаза на трудности. Я не намерен подымать кверху лапы. Время наточило мои вилы под более острым углом. Будем же всем миром искать вместе выход, путь возрождения нашей страны. Навались, мужики!

Б. ЗЕНИН.

В. МОЧАЛОВ.

И. НОВИКОВ.

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».